

Нападение на маленького Колина Криви вывело из равновесия большинство из нас, за исключением тех, кто был связан с Драко Малфоем и другими тупицами из Старой семьи. Мы стали ходить из общежития в Большой зал и на занятия небольшими группами, а не поодиночке, избегали затемненных и малопосещаемых коридоров и гадали, где тот, кто или что-там-было, нанесет следующий удар. В нашем общежитии это придало проекту по созданию учебников особую актуальность. Нам нужны были книги не только для подготовки к экзаменам по DADA, но и для того, чтобы повысить свои шансы на выживание на случай, если кое-что из того, что мы слышали о Тайной комнате, окажется правдой.

Возможно, вы слышали рассказы семьи Уизли о том, что Фред и Джордж Уизли были главными торговцами контрабандой в Хогвартсе, пока Рональд и Джинни Уизли росли. Что ж, они были весьма успешны, настолько, что даже я имел с ними дело. И нет, я не собираюсь рассказывать вам, что я у них покупал. Но какими бы успешными они ни были, братья Уизли были не единственными торговцами на черном рынке, действовавшими в школе в том году. У нас в Слизерине была парочка.

Будучи хорошими Слизеринцами и лояльными к дому, мы сначала обратились к ним по поводу покупки американских учебников по защите от Темных искусств. Мы сказали им, что нам нужно что-то точное, напечатанное или недавно вышедшее из печати, и на английском языке. К сожалению, "Джон" и "Уильям" с удивлением обнаружили, что им трудно понять, о чем идет речь. Нам нужны легальные учебники? Нам нужны были те, которые недавно использовались или все еще используются в американских школах? Нам нужны были те, которые были куплены и доставлены законным способом - совами или вручную в Большом зале или во время чьей-то поездки в Хогсמיד? Джон и Уильям не сразу поняли, что им нужно что-то честное и нечестное. К несчастью для них, они не смогли отбросить свой менталитет чернорабочих, решили, что это должно быть что-то сомнительное, и предложили слишком высокую цену. Мы сказали им, что подумаем над этим, а затем начали искать другое решение.

Я предложил поискать в нашем доме людей, близких нам по возрасту, чтобы найти кого-нибудь, у кого есть связи с Америкой. Это был Эйден, а затем одна из соседок Камиллы, которая нам помогла. У Эйдена был двоюродный брат, чья семья переехала в Канаду во время последней войны; его двоюродные братья учились в Илверморни. У Вероники Лейк, девушки, которую я считала не только соседкой Камиллы, но и одной из ее лучших подруг, был двоюродный брат примерно возраста ее родителей, который продавал старые, редкие и коллекционные произведения из Виктории, а также двоюродный брат, который учился в Каскадском институте магических исследований. Вероника сомневалась, стоит ли просить кузину прислать ей учебник, но мы заверили ее, что поддержим ее и возместим любые расходы.

Через пару недель двоюродный брат Вероники написал нам ответ и сообщил, что поможет нам с нашей просьбой. Он был не только книготорговцем, продававшим старые, редкие и малоизвестные тексты магглам и волшебникам, но и занимался небольшим, но прибыльным делом - продавал магические учебники студентам Каскадии и других североамериканских школ. Отпрыск ее кузена учился в Хогвартсе несколько лет, как раз перед самой страшной Первой войной волшебников, и отец был в курсе сглаза, наложенного на профессора DADA, не хуже любого из нас. Он сжалился над нами и прислал по почте рваную, помятую копию учебника, которым раньше пользовались каскадцы в наш год, в качестве образца. Он прибыл в

конце ноября.

Мне выпала честь открыть его, что я и сделал. Некоторые страницы отсутствовали, но не название и не оглавление. Я начал читать и улыбнулся. Книга была написана неким Конналом Макреем. Я помнил и имя, и учителя. Я вспомнил, что у янки и канадцев в это время года был праздник. Возможно, наступил наш День благодарения.

Три года назад Эйден, Вероника и я были маленькими второкурсниками, посещавшими занятия по защите от темных искусств, и Макрей был нашим профессором. Макрей был крупным, грузным шотландцем и говорил с густым горским акцентом, одобренным шотландским диалектом. Шотландские ведьмы в нашем классе падали в обморок по нему так же сильно, как некоторые из младших девочек падали в обморок по Локхарту, хотя мы, парни, были менее восторженны. Мы сомневались, насколько хорошим учителем он был, но с течением года и по мере того, как мы учились расшифровывать его слова, мы поняли, что он не только знал свое дело, но и был хорошим учителем. Я узнал от Макрея больше, чем за три года, прошедшие после его ухода.

Я начал читать его текст, а потом улыбнулся.

"Что скажешь, Вудбайн?" - спросил Эдгар.

"Он по-прежнему знает свое дело", - ответил я. "А ты что думаешь, Вероника?"

Вероника начала читать текст Макрея и тоже улыбнулась.

"Он был хорошим учителем", - сказала она. "Я и забыла, как мне нравились его уроки. Думаю, я бы купила эту книгу, даже если бы он был таким же ничтожеством, как Локхарт". Она протянула книгу Эйдену.

Эйден начал читать, потом улыбнулся. "В книге много идиом янки, но они написаны правильно", - сказал он.

"Незначительная придирка", - вмешался я. "Я могу с этим смириться".

Эйден встал и поклонился Веронике. "Леди Лейк, я благодарю вас. Возможно, вы спасли нас от позора и провала, когда мы будем сдавать экзамены по OWL. Давайте начнем обсуждать условия доставки и оплаты".

В то время я почти не видел твою мать, и это меня озадачивало. Я подозревал, что она что-то задумала. Но что именно, я не знал. Она не так часто посещала библиотеку, как обычно. Она была расстроена нападением маленького Криви, но не настолько, чтобы сообщить МакГонагалл, что я беспокоюсь о ней.

Я также присматривал за Титусом. К моему облегчению, он не только адаптировался, но и процветал среди Орлов. Несмотря на то что в Доме Орла почти столько же студентов, связанных со старыми семьями, как и в Слизерине, рейвенкловцы не делали из Чистоты крови такого фетиша, как наши. Правда, я передал, что тети Мюриэль и Кэрлайн узнали о нашем родстве с Грейнджерами. Он улыбнулся и кивнул, а потом сказал, что мама прислала ему письмо с той же информацией. Значит, мы, Вудбины, были родственниками маггловских Грейнджеров и их необыкновенной дочери? С точки зрения Титуса, это была интересная, но не потрясающая новость. Мы уже состояли в кровном родстве с другими маггловскими и волшебными семьями: ничего особенного.

Шли дни, и атмосфера в Слизерине менялась. Маленький Драко Малфой намекнул, что знает все о Тайной комнате, и у меня снова возникло желание схватить его за шиворот и заставить рассказать, что он знает. Он намекнул, что отец сказал ему, что Тайная комната была открыта и что что-то напало на мадблосов. Малфой использовал определение Мадблад, данное чистокровными фанатиками, - любой, кто имел маггловских предков в течение нескольких последних поколений. Несколько его друзей из Священной 28 были впечатлены; те из нас, кто имел менее выдающуюся родословную, смотрели на него, сузив глаза. Если бы в Тайной комнате обитал монстр, мы бы не сомневались, что он был бы избирателен в выборе своих целей.

Первая неделя декабря уступила место второй. Большинство из нас начали задумываться о предстоящих рождественских каникулах и о том, чем мы будем заниматься. Мы с Камиллой все еще были на расстоянии. Вскоре я узнал, что я был не единственным, с кем она была не в ладах. Вероника Лейк сообщила мне, что Камилла стала проводить меньше времени с ней и больше с Клотильдой. Я чувствовал себя подавленным и, несмотря на риск, направился в Музыкальную комнату. Там все еще стояло пианино. Я вспомнил, как играл на нем, когда был моложе. Это было давно.

Когда я был маленьким, мама настояла на том, чтобы я брал уроки музыки. По какой-то причине меня тянуло к фортепиано, несмотря на то что в волшебном мире оно было не слишком популярно. Сначала я его ненавидел, потом ненавидел и любил, а потом постепенно полюбил. К тому времени, когда я стал достаточно взрослым, чтобы получить письмо из Хогвартса, я уже был на пути к тому, чтобы стать хорошим.

Я перестал играть в школе, когда был на первом курсе. Я был одиннадцатиклассником, а кабинет музыки находился в другой части замка, нежели та, где собирались и репетировали хор лягушек и студенческий оркестр. После того как я стал жертвой хулиганов, я перестал заниматься в школе, сказав себе, что возобновлю занятия дома. Но этого не произошло, и постепенно интерес к фортепиано сошел на нет, и я перестал играть.

Могу ли я еще играть? Пианино было на месте, только пыльное и, возможно, не настроенное. Я достал из кобуры свою палочку и исчез в пыли, покрывавшей скамейку и клавиатуру. Я отодвинул скамью и сел на нее, а затем приступил к игре на клавишах. Прошло слишком много времени, Тристан, и ты, вероятно, не можешь играть достойно, - сказал голос в моей руке. Я сказал голосу, чтобы он заткнулся.

Как я справился? Ну, я не буду вам врать. У меня определенно не было практики. Но мои

пальцы все чаще находили нужные клавиши, и я начал чувствовать, что воссоединяюсь с частью себя, которой позволил ускользнуть. Я сказал себе, что вернусь: громадные хулиганы, терроризировавшие маленького Тристана Вудбайна, либо выпустились, либо стали казаться менее грозными, когда я сам превратился в большого, громадного Пятого года.

<http://tl.rulate.ru/book/115990/4600317>